

Теплый июньский день. Легкие тучки небесные — вечные странники — после очень краткого привала над Ульяновском пустились в дальнейший путь, — их можно видеть уже только на краю горизонта. Камни мостовой еще хранят на себе следы прошедшего недавно дождя. Но солнце уже господствует и над неровными улицами, и над тристанью, и водной гладью Волги.

Город возвышается над рекой сотнями ступенек, составляющих непонятную приезжим гордость ульяновцев. Еще с середины реки пассажиры бросают мрачные взгляды на гору, словно измеряя еще раз трудность восхождения в город.

Сейчас пароход, именуемый здесь паромом, обогнал островок, покрытый зеленью, вышел на середину реки и медленно, важно приближается к пристани Ульяновска, дебаркадеру, где висит лаконичная вывеска:

TOP. HEPEBOS

С большой высоты заметив паром, шофер Миша убыстряет навстречу ему бег своего форда. Непривычный к здешним дорогам приезжий, сидящий рядом с шофером, начинает выделывать самые причудливые движения: то вскинется на полметра от сиденья, то саданет в бок соседа Мишу, то головой невольно пробует крепость мутного стекла «триплекс» отечественной выработки. Стекло скрипит, но не поддается. И приезжий смущенно бормочет: — Дорога у вас, того... неприятная дорога. По такой дороге того гляди — машину сломаешь...

— Еще как! — весело откликается Миша.— Сколько машин уже угробили здесь. Да вот сейчас к самому интересному месту под'езжаем...

Машина делает отчаянный прыжок и застревает между вторым и третьим буграми, в колдобине солидной глубины.

— Тьфу, чорт!—ругается он сочным тенором.— Неужто опять мало газу дал?

Миша вылезает из-за руля, сокрушенно осматривает колеса, рессоры, для чего-то подвинчивает гайки, вновь садится за руль. Машина пыхтит, пятится назад, вновь и вновь подпрыгивает и, заражая воздух перегаром бензина, наконец, вылезает из «интересного места». Миша сразу берет полный ход. Но торопиться собственно не-зачем. Паром только подходит к пристани. Предстоит еще длинная церемония: сначала сойдут пешие, затем с'едут на берег автомашины и, наконец, конные подводы. Паром еще легонько подметут, начнутся звонки — сигналы посадки... В общем, канитель еще долгая.

Вытирая пот, Миша покинул свой форд и оглянулся. Неподалеку стоит большая гробовидная машина старинной американской марки «Додж». У машины — долговязый и гололобый шофер и пассажир — плотный дяденька. Они очень обрадовались Мише, приветливо машут руками и решительно двинулись к нему. — Степану Моисеевичу почтенье! — приветст вует подошедшего дяденьку шофер Мяша.— И тебе, гололобый, тоже.

— Как с'ехал, ничего? — весело спрашивает Мишу Степан Моисеевич.— Я вот глядел, как ты у интересного места брыкался. Смехота!

Степан Моисеевич — по виду очень добродушный человек. Рыжая щетина давно небритого лица и мышино серая рубашка того цвета, который опытные люди называют «смерть прачкам», еще больше оттеняют добродушие и ленивую невозмутимость Степана Моисеевича.

— Вниз ехать здесь еще ничего, способно. Вот вверх подняться — это да! — задумчиво говорит Монсенч и вдруг оживаяется, услышав гудок подошедшего парома.

С парома в'езжают на берег три автомашины две грузовых, одна легковая— и медленно начинают подыматься в гору. На лице Степана Моисеевича радостное возбуждение, быстро передающееся Мише и гололобому шоферу.

— Это военная машина,— шепчет Моисеич гололобому..— Петька ведет. Ни за что он не в'едет слабо ему, вот увидишь,— и кричит шоферу грузовика:

— Газуй, газуй, чортов сын, все одно не вызедешь! Тут и не такие, как ты, застревают! Газуй! — истошно вопит он, когда машина приближается к «интересному месту».

С неослабевающим интересом следит вся компания, как подкрадывается грузовик к решающему перевалу. Азартом заражаются и приезжий, и шофера сзади идущих машин, и бородатый подводчик, ожидающий своей очереди — померяться силами с дорогой в город.

— Так и есть, застрял! — кричит Миша.

На лице гололобого проскальзывает ехидная улыбка, а Степан Моисеевич входит в раж:

— Разве ж так ездят! Тут, понимаешь, вверхвиз, как по волнам, качает, — надо полный газ давать. А то враз застрянешь, — уж я знаю!

Машину начинают вытаскивать прохожие, сошедшиеся на врелище, скучающий продавец воды, посетители соседней пивной. Общими усилиями машина, с помятыми рессорами, прихрамывая, тянется вверх.

Очередь за следующей легковой. Но туг раздается гудок — посадка. Разочарованный Степан Моисеевич и чем-то довольный гололобый плетутся к своему гробовидному «Доджу» и первыми в'езжают на паром. За ними следом — Миша.

— Стара больно машина,— говорит Миша приезжему, указывая на «Додж».— Стара, еще в 1921 году у американцев куплена. А ничего, Степан Моисеевич ездит на ней. Очень интересуется у нас Моисеенч машинами, не может равнодушно видеть.

— А кто он такой? Чем занимается ваш Степан Моисеевич? — спрашивает помрачневший приезжий.

— Как, разве не знаете? Да он у нас известнейший человек на весь город. Только спроси Степана Моисеевича Храпа,—всякий мальчишка знает. Он ведь у нас председатель Автодора...

— Как?! — резко переспрашивает приезжий.— Что вы сказали?

— Председатель Автодора, говорю. По нашей, значит, автомобильной и дорожной части — за дорогами следит и все такое...

Приезжий мрачнеет еще больше и умолкает.

...Погрузка кончена. Третий гудок. Паром медленно отходит от берега. У дверцы «Доджа» оживленно переговариваются Степан Храп со своим гололобым шофером. С севера снова наползают тучи. Приезжий оглядывается.

Серым ужом вьется дорога в Ульяновск, и на ней неподвижной точкой стоит застрявшая-таки третья грузовая машина...

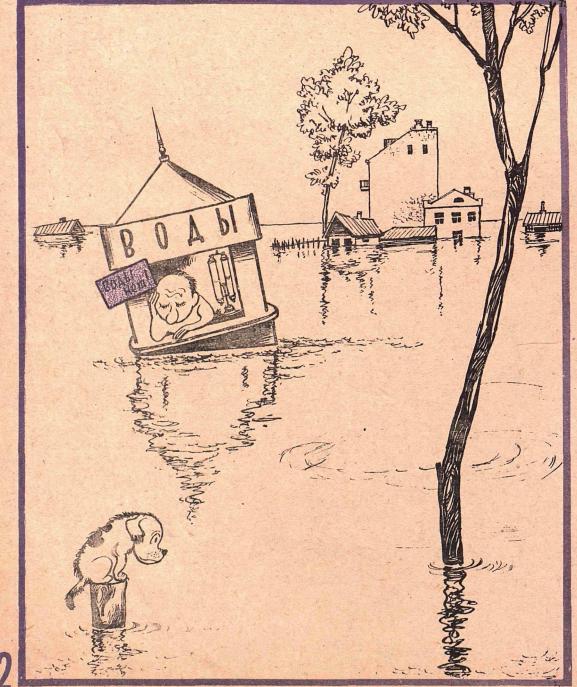

Рис. М. Храпковского

Действующие лица: Доктор. Пациент.

(Кабинет. Доктор моет руки. Вытирает их полотенцем. Затем открывает дверь)

ДОКТОР: — Следующий!

ПАЦИЕНТ (стремительно вбегает и падает на стул): - Нет, это ужасно! Я больше не могу!

ДОКТОР: - Успокойтесь, пожалуй-

ПАЦИЕНТ: - Легко вам говорить -«успокойтесь»! Вы, конечно, извините, но я совершенно развинтился, просто не знаю, что со мной...

ДОКТОР: — Спокойно. Дайте пуль-

ПАЦИЕНТ (раздраженно): — «Пульсик», «пульсик»!

ДОКТОР: - Не волнуйтесь. (Считает). Семнадцать, восемнадцать...

ПАЦИЕНТ (плачущим голосом): - Сил моих нет!

ДОКТОР: - Так. (Прячет часы в жилетный карман). Как сон?

ПАЦИЕНТ: - Ну, что вы спрашиваете, честное слово! Две недели не сплю.

ДОКТОР: — Аппетитик?

ПАЦИЕНТ: -- Какой там к чорту «аппетитик»! Просто смотреть на еду не могу. «Аппетитик»! Ха-ха-ха! «

ДОКТОР: - Успокойтесь. Понюхайте из этого флакона. Ничего, ничего. Все будет прекрасно. Ну, что, теперь лучше?

(ПАЦИЕНТ тихо плачет).

ДОКТОР (гладит его по голове):-Ну, ну, это у вас нервное. Выпейте вот этого. Видите, теперь совсем хорошо.

ПАЦИЕНТ: - Спасибо, доктор.

ДОКТОР: - Что-ж, ничего не поделаешь,- нужно будет серьезно полечиться. У вас сильнейшая неврастения. Значит, так: во-первых, никаких волнений и беспокойства. Если вам будет очень плохо, принимайте капли, я вам тут выписал рецептик. И обязательно каждый день берите теплень чую ванночку, градусов 27-28, не больше.

ПАЦИЕНТ: - Не больше?

ДОКТОР: - Ни в коем случае. У вас есть ванна?

ПАЦИЕНТ: - Ванны нет.

ДОКТОР: - Это хуже.

ПАЦИЕНТ: - Я, понимаете, должен был получить квартиру. Я, видите, состою в жилкооперативе «Инженерник». Уже и общее собрание меня утвердило и правление...

ДОКТОР: — Спокойней, спокойней...

ПАЦИЕНТ:-...И ревизнонная комиссия несколько раз делала заклю-

чение в мою пользу. Я так изнервничался..

ДОКТОР: - Не волнуйтесь.

ПАЦИЕНТ: — Наконец получаю ордер, все честь честью, две комнаты, ванна, правда, северная сторона, но уже чорт с ней, газ, одним словом,рай. И вот...

ДОКТОР: - Нельзя же так, голубчик, понюхайте.

ПАЦИЕНТ: - ...И вот. на прошлой неделе приезжаю я с вещами, как дурак, на двух грузовиках — и что б вы думали! - в моей квартире уже живут. И кто, главное дело,председатель ревизионной комиссии, тот самый, который несколько раз давал заключение в мою пользу!..

ДОКТОР: - Однако, знаете, ловко они вас!

ПАЦИЕНТ: — Это целая банда, смею вас уведомить.

ДОКТОР: - Вот и у нас...

ПАЦИЕНТ: — Два года они меня обманывали, нагло и подло обманывали!

ДОКТОР: - Какие негодян! Но ведь у вас был ордер?

ПАЦИЕНТ: - Ордер аннулировали. У них это просто делается.

ДОКТОР: - Вот у нас то же самое. (Быстро ходит по комнате). Я состою в эржэскатэ «Московский психиатр», и вы думаете, там лучше? Такие же бандиты, как у вас! Даже хуже!

ПАЦИЕНТ: - Ну, хуже! Эта вы, доктор, так... чтоб меня успоконть.

ДОКТОР (горячигся): — Уверяю вас, что хуже! Это шакалы! Вы знаете, что они со мной сделали?

ПАЦИЕНТ: — Наверно, какую-нибудь подлость.

ДОКТОР:-«Подлость»! Это мягко сказано — «подлость». Это... Я не нахожу слов!

ПАЦИЕНТ: - Не волнуйтесь, док-

ДОКТОР: — Вам легко говорить: «не волнуйтесь». Понимаете, состою в «Московском психнатре» шесть лет, пай перевыполнил вдвое, веду большую общественную работу. Надоываюсь, ночей не сплю...

ПАЦИЕНТ: - Спокойней, спокой-

ДОКТОР: - Обещали мне квартиру тысячу раз. Имел на нее прав больше всех. Наконец я в этом «Психиатре» единственный психиатр. Остальные ничего общего с медициной

ЧУДЕСА АРХИТЕКТУРЫ

Рис. Л. Генча

В Туле выстроили гостиницу, по внешнему виду смахивающую на тюрьму

ПРИЕЗЖИЙ: - Без приговора суда я в эту гостиницу ни за что не пойду!..

не имеют. Ну, думаю, если на этот раз не дадут, тогда....

ПАЦИЕНТ: - Что с вами. доктор?! На вас лица нет!! Выпейте воды. ДОКТОР (стуча вубами о стакан): - П-приезжаю с вещами...

ПАЦИЕНТ: — Доктор, доктор, нельзя же так. Вот, понюхайте. Это, кажется, нашатырный спирт.

ДОКТОР: — ...А там уже, ха-ха живет шурин нашего председателя правления!.. Ха-ха-ха!..

ПАЦИЕНТ: - Успокойтесь! Ну, я вас прошу! Доктор! Доктор! Что мне теперь с ним делать? Пульс у него попробовать, что ли? Дайте-ка пульсик. (Вынимает из кармана доктора часы и считает). Двадцать девять,

тридцать, тридцать один... Что-то очень много. А как у вас сон?

ДОКТОР: - Какой там к чортовой бабушке сон? Уже месяц не сплю из-за этой проклятой квартиры!!! ПАЦИЕНТ: - Это у вас нервное,

доктор. Аппетитик есть? ДОКТОР:— «Аппетитик»? Ха-ха-

ха!.. (Истерика).

ПАЦИЕНТ (гладит доктора по голове): — Не везет мне с лечением. Уже к пятому доктору прихожу и вот, пожалуйста... Прямо беда с этими докторами! (Пожимает плечами, открывает дверь и уверенно кричит). Кто следующий? Можете итти домой, приема больше не будет!..

И. ИЛЬФ, Е. ПЕТРОВ

ХУДОЖНИК: Дорогой Василий Васильевич! Надеюсь, нак человек нультурный вы не обидитесь на этот дружеский шарж!

ПРОГРАММА-МИНИМУМ ГРАМОТНОСТИ

О спектаклях Первого государственного поль-ского театра все единодушно отзываются:

- Хорошая программа!

О выпущенных этим театром программах отзывы не менее единодушны. Все сходятся на том, что — это плохие программы!

Вот как аттестуется пьеса В. Миколюка «17»:

После собрания Долотов в разговоре с Сергеем о наявности в организации провокатора указивает смерть 4-х коммунистов с 4-мя револьверами, которые показывал Гроза Иде делая вывод, что 4х коммунистов расстрелял Гроза и что провокатор Ида.

...У Ворона в квартире бал. Мери тонко издевается над бессилием деникинцев Ворон расшифровывает причины данного бессилия.

..Петренко плюет в лицо смерти и танцует

Приводим отрывок из аннотации о мольеровском «Мещанине во дворянстве»:

Государственный Польский Театр включил эту пьесу в репертуар для того, чтобы позна-комить нашего эрителя с классическим наследием, пропустив ее (!) критически через нашу призму восприятия...

Автору этой аннотации не мешало бы «пропустить ее через призму восприятия» не только критически, но также и грамматически.

В таком же стиле— отзыв о пьесе М. Кулиша «Возвращение Марка»:

Пророк Зосим изучает Анти-Дюринга, тщетно желая использовать ее (!) в борьбе против советской власти. К нему приходят Ильиченко и Матрена и рассказывают, что с них сорвана маска и просят о помощи. Зосим об'являет себя банкротом.

...В хате Романа идет оргия. Кулак Ильиченко торжествует. Входит Марко и раскрывает лицо

...Середняки не хотят вступать в коллектив, а идут так называемой средней линией. Марко разбивает эту теорию, Крестьяне расходятся. Колхозники торжествуют, что они стоят на правильном пути. Отец Марка прибит всем слышанным.

«Прибиты всем слышанным» также и бедные читатели программок...

ДЕЛАЕТСЯ ЛЕГКО И ПРОСТО

Занятие астрологическими предсказаниями, повидимому, становится в Западной Европе и почетным и прибыльным. И во всяком случае, делом влиятельным.

На-днях профессор Пикар хотел подняться на стратостате. Мадам Пикар позанималась за день до этого у себя в будуаре, капитально переговорила со звездами и кое-какими подходящими планетами и наутро директивно заявила:

— Мы с Сатурном против.
— Позволь, кошечка, — миролюбиво, но опасливо возразил озадаченный профессор, — не Сатурн же полетит, а я. Что он мне, твой Сатурн, — дядя, профессор, — не Сатурн же полетит, а м. что он мне, твои Сатурн, — дядя, что ли...

— А Венера? — уже несколько суховато сказала мадам Пикар.

— И Венера против? Что ты говоришь? Так и сказала?

— Я уже не говорю о Большой и Малой Медведицах, — угрожающе добавила мадам Пикар, пододвигая к себе туфлю.

— Ну, уж если и Малая Медведица накапала, — вздохнул профессор Пикар, — положеньице паршивенькое. Придется оставаться. Вели подавать завтракать. Жан! Распряги стратостат!

Допустим, что это дело семейное. Но мы знаем, что влияние астрологов-предсказателей уже вышло из круга семьи и пользуется неограниченным влиянием. Как же это так получается, — спросит любознательный читатель? А так, — ответим мы ему. Очень просто.

В средние века заниматься астрологией было действительно трудновато и немного рискованно. Во всяком случае, шумной карьеры это не делало.

Если астролог предсказывал удачно, но пессимистически, его немедленно вешали. Если он предсказывал неудачно, но оптимистически, его гоже вешали. И тоже немедленно. Как видит читатель, выбор был небольшой, но бесперспективный.

Теперь в тех же местах астрологией заниматься гораздо безопаснее и легче. В астрологи идут бывшие маркеры, адвокаты, лидеры парламентских групп, вдовы сбежавших аферистов, бывшие министры без портфеля и просто нормальные жулики без особых примет. Слава и популярность сегодняшними астрологами достигаются очень несложными и легко изученными способами.

К астрологу Фрикассо приходит фабрикант обуви Пижоль, протягивает свою визитную карточку и со стоном вдавливается в отельное кресло.

 Я бы хотел, — начинает он монотонно гудеть, — узнать у вас...
 Знаю, — перебивает его астролог, посмотрев на визитную карточку и на форточку, сквозь которую виднеется какая-то завалящая неказистая звезда,— вы хотите спосить, как будут дела с вашей фабрикой?
— Огкуда вы знаете? — с благоговейным ужасом хрипит посетитель.

— Она сказала, — солидно показывает астролог мизинцем на нека-зистую звездочку в форточку, — зайдите завтра в час ночи. Деньги вперед. Триста. Можете гудьденами. Можете франками. Наука не чуждается и долларов. Пьер, проводи господина. Следующий посетитель,

ий посетитель, отрекомендовавшись директором и K°», пришел посоветоваться со звездами, как банка дальнейшего.

— Насчет банков специалист Сатурн, — деловито говорит астролог, пересчитывая аванс. — Юпитер, тот больше по части оптовых складов и колониальных заказов. Сегодня же войду в контакт с Сатурном. Зайдите в четверг. Если потребуются мелкие расходы на другие планеты, — извещу телеграфом. Пьер, подай пальто господину.

Потом, в порядке живой очереди, приходят бывшие министры, парламентские вожди, графини со связями, национал-социалисты и лица других подозрительных профессий.

Астролог Фрикассо разговаривает дальше уже усталым и рассеянным тоном. зачастую путая посетителей, их профессии и заинтересованность в звездах.

— Фамилия? Рибер? Бывший министр земледелия? Ах да, почт и телеграфов. Так. Желаете узнать, когда лопнете? Виноват... Раскроется ли дело с акциями? Зайдите в среду в десять... Вы тоже Рибер?

— Я Дульч. Национал-социалист.
— Так, так... Что желаете узнать?
— На улице Фердинанда жил один профессор...

— Так, так... Желаете узнать, раскроется ли дело об убийстве профессора, и куда лучше скрыть чемодан с деньгами? Сегодня же запрошу Млечный Путь. Зайдите десятого. Пьер, прими у господина аванс и подай пальто.

Когда прием кончается, астролог Фрикассо быстро надевает визитку и всовывает цветочек в петлицу. Ему надо торопиться в клуб, где он является коммерческим директором передвижной артели карточных шулеров. Находу он бросает камердинеру:
— Пьер, займись!
Пьер садится за стол и внимательно изучает сегодняшние утренние и ве-

пъер садится за стол и внимательно изучает сегодняшние угренале и вечерние газеты, с особенной тщательностью проглядывая экономическую и биржевую хронику. Через полчаса все перспективы становятся ясными, и он спокойно подписывает на визитных карточках:

— Фабрикант обуви Пижоль. «Фабрика лопнет через четыре месяца (Сатурн и Венера)». Попробуй, не лопни при нынешнем состоянии обувного рынка, — ехидно усмехается он, — это тебе не звезды говорят, а я. Это тебе рынка, — ехидно усмехается он, — это тебе не звезды говорят, а я. Это тебе всякий скажет, если сам не понимаешь. Директор банка... Какого это банка?.. Впрочем, все равно. «Лопнет через два месяца (Венера и Сатурн)». Парламентарий Дудиль... Так... «Все раскроется, но будь спокоен. Свои выручат (Большая Медведица и Кассиопея)». Дульч. Национал-социалист. «Все раскроется, но свои выручат. Будь спокоен (Луна, Юпитер и др.)»...
Промаха никогда не бывает. Фабрика наверняка лопнет. Банк тоже. И не было еще случая, чтобы свои не выручали. Если этого не знают звезды, — это их частное дело. Остальные знают. И через три месяца в салонах несется радостный шопот:

нах несется радостный шопот:

— Неужели вы еще не были у астролога Фрикассо? Ведь от этого человека ничего не может скрыться! Сами понимаете — звезды! Нужно ли после этого еще раз говорить, что астрология—самое выгодное

занятие?

АРК. БУХОВ

СТАРОБАРДИНСКИЕ СУЛТАНЫ

В древнейшие времсна деспоты разных мастей неоднократно требовали от своих штатных мудрецов немедленно сообщить о наличии небесных светил на первое число данного месяца. Мудрецам предлагалось тут же, не отходя от тропа, представить также и проверенные сведения о состоянии песка на дне морском как в количественном, так и в качественном выръжении.

Если мудрец попадался хитрый, видавший виды, он, немного для приличия подумав, сообщал зарвавшемуся деспоту первую попавшуюся в голову двалиатизначную цифру. Иногда он для вящей убединельности тут же требовал немецленного создания авторитетной комиссии для проверки правильности об'явленной цифры.

— Я,— говорил хитрый мудрец,— даром свой хлеб есть не хочу. Я,— говорил хитрый мудрец,— подожду, а комиссия пусть пока подсчитает песочек.

Эффект получался самый потрясающий. Пытливый царь умилялся, что у него в штате такой образованный человек, публично дсловал мудреца в высокий лоб и выдавал за него свою самую красивую дочь, дабы удержать его около себя на всю жизнь и обеспечить себе умных внуков.

Если же мудрец попадался откровенный и добросовестный, го ему за

по сеоя на всю жизнь и обеспечить сеое умных внуков.

Если же мудрец попадался откровенный и добросовестный, го ему за отказ сообщить запрещенные свеления немедленно под одобрительные крики придворных холуев отрубали толову.

Скажем прямо, в Старобардинском районе, Запалноснбирского края, царей, деспотов, султанов и ханов не было. Но некоторых пытливых районных работников так и тянег задать царского ума вопросец. Такое, чтобы было и занятно, и смепию, и невыполнимо.

Правда, масштаб не тот. Султаны и короли главным образом интересовались количеством звезд и морского песка. И обязательно в мировом масштабе.

А в Старобардинском районе — там больше по мышиной части. И в пределах сельсоветской действительности.
27 июня райздравотдел разослал всем сельсоветам района бланк сводки, которую в интересах вящего народного здравия предлагалось в кратчайший срок заполнить чернилами и представить в район по принадлежности.

срок заполнить чернилами и представить в район по принадл.жности

В одиннадцатом пункте сводки нужно было проставить, сколько мышей и крыс имелось вокруг домов, расположенных в районе деятельности данного сельсовета, в 1933 году и сколько — в 1934 году.

В двенадцатом пункте надлежало сообщить, увеличилось или уменьшилось в текущем году количество полевых крыс и мышей. Если да, то на сколько? Имеется ли среди них падеж? И если да, то сколько мышеединиц дохнег и сколько крысо? Сведения нужны дифференцированные. Отдельно по мышам и стдельно по крысам.

В райздравотделе сидят и ждут ответа на герзавший их вопрос. А в сельсоветах Старобардинского района смятение. Врать или не врать? И если врать, то как, с оговорками или безоговорочно? А может быть, запрячь лошадь, поехать в район и повалиться в ноги заведующему райздравотделом.

— Не вели, мол, казнить, вели слово мольить. Твоя воля, батюшка, но нет нашей воеможности мышей и крыс подсчитывать. Они, благодетель, от учета укрываются.

Не может быть, чтобы пытливый райздрав не простил. Самое большее, вытовор об'явит и отпустит с честью. Дурак, дурак, а поймет наверно.

А хорошая, между прочим, в Западносибирском крае существует пословица: сдевка пытлива больно, ствадить надо». Жаль, не умеют в Западной Сибарй ценные пословицы в жизнь проводить. А надо бы!

Л КАРАУЛОВ

Л КАРАУЛОВ

ОСНОВАТЕЛЬНАЯ ПРИЧИНА

ВЫСОКАЯ ОСОБА (в сумасшедшем доме): - Все радостно приветствуют меня. Только один, крайний справа, молчит. В чем дело?

— Он не больной, ваше превосходительство. Он — здешний служащий.

Товарищ Карнаухов очень любит природу Ранняя одесская весна неизменно рождала в душе товарища Карнаухова этакое смутное томление, исопределенное ожидание чего-то прекрасного и активное желание сейчас же, немедленно, без отрыва от производства, делать приятное своим ближним, сеять разумное, более или менее доброе, сеять вечное, нежно приласкать сирых и беззащитных вдов и сирот.

Девятого апреля текущего 1934 года упомянутые выше благородные чувства особенно теснили

грудь товарища Карнаухова.

- Ах, как хорошо было бы, -- мечтал он, -- если бы мне сегодня же представилась возможность утереть слезы хоть одной вдовице и посильно помочь хоть одному сирому и беззащитному суще-CTBY!

Как мы видим, сердце товарища Карнаухова волновали самые похвальные чувства. Нам тем более приятно отметить этот отрадный факт, что Евдокиму Федоровичу упомянутые чувства вменялись в непосредственную обязанность положением о круге прав заведующего городским отде-

здравоохранения и ответственного секретаря горсовета.

Страшно подумать, что все эти высокие импульсы Евдокима Федоровича так и остались бы нереализованными, если бы не Дора Марковна. Она вошла в кабинет ответственного секретаря горсовета и заведующего горздравотделом, как мимолетное виденье, как гений чистой красоты.

- Здравствуйте, Дора Марковна, — радушно приветствовал ее Карнаухов, сколько лет, сколько зим! Как жизнь молодая?
- Ах, отвечала гражданка Мойсеевич и тяжко вздохнула, - какая уж там моя жизнь. Известное дело — вдовья жизнь. А тут еще он такой грязный...
- Кто грязный? учтиво полюбопытствовал Карнаухов.
- Сосед мой по квартире очень грязный, до-рогой Евдоким Федорович. Он, извиняюсь, шизо-френик. Прямо ума не приложу: что бы такое с ним сделать, с моим соседом, с гражданином Пожежинским?

Дора Марковна томно взглянула на товарища

Дора Марковна томно взглянула на товарища Карнаухова и всхлипнула.

— Не плачьте, Дора Марковна,— сказал растроганный товарищ Карнаулов и записал в свою записную книжку фамилик и адрес соседа гражданки Мойсеевич: «Пожежинский, Преображенская улица, дом № 11». Потом он черкнул записочку, вручил ее Доре Марковне.— Передайте эту записку, и все будет сделано. Я еще для верности звякну по телефону. эту записку, и все одинености звякну по телефону.

Через час за гражданином Пожежинским прибыла карета. Его отвезли в баню, помыли, причесали и снова посадили в карету. Карета, тарахтя, покатила по веселым улицам Одессы.

— Вы, кажется, ошибаетесь,— деликатно на-мекнул Пожежинский сопровождавшему его граж-данину,— на Преображенскую улицу нужно ехать совсем не в эту сторону.

Сопровождавший загадочно усмехнулся и ласково об'яснил: погода чудесная, почему бы не прокатиться. Потом они проехали в какие-то ворота и подкатили к крыльцу. На крыльцо вышли два молодых человека в белых халатах, взяли по-бледневшего Пожежинского под руки и повели в помещение.

Это был сумасшедший дом.

Комната, числившаяся по домовой книге жакта дома № 11 по Преображенской улице за Ароном

Евсеевичем Пожежинским, освободилась. Комната! Свободная жилплощадь! Чарующая музыка квадратных метров! Сколько сердец начинает быстрее биться при одном упоминании этих сказочных слов!

Забились учащенно сердца и в доме № 11 на Преображенской улице. 0

Ордер на комнату Пожежинского получила Дора Марковна. Гражданка Мойсеевич. Пришлось, правда, напоследок принять бой с правлением жакта. Наивный жакт! Презренный жакт! Эн считал, что у Доры Марковны не было никаких прав на получение комнаты. Горсовет показал жакту права. Одесский город-

горсовет показах макту права. Одесский городской совет рабочих и красноармейских депутатов в лице товарища Карнаухова «категорически предложил немедленно прекратить терроризирование Мойсеевич и отдать ей комнату».

Терроризирование прекратили. Комнату отдали. Пошли к уполномоченному комиссии партийного контроля. Рассмотрел уполномоченный дело Карнаухова и исключил его из партии. И передал дело в суд.

Был суд. Одесский областной суд. Со свидете-лями. С защитой, обвинением и экспертами. Эксперты, взвещивали каждое слово, говорили уче но, солидно и осторожно. И у всех выходило, что Пожежинского нельзя было гомещать в сума-Для него вполне достаточно нахосшедший дом. диться под наблюдением психо-неврологического диспансера.

Суд выслушал свидетелей, выслушал выступлесуд выслушал свидетелей, выслушал выступления экспертов, прения сторон. Суд все выслушал. И суд вынес приговор. Он признал Карнаухова виновным. По второй части 100-й статьи Уголовного кодекса. Суд был беспощаден. Он приговорил Карнаухова к общественному порицанию. Соглашением в печати. Чтобы Карнаухову, Евдокиму Федоровичу, 39 лет, служащему, было

стыдно.
Так решил суд. Но председатель суда был не согласен с приговором. Он считал его слишком мягким и заявил особое мнение. Он считал, что Карнаухова нужно было приговорить к принудительным работам. На один месяц.

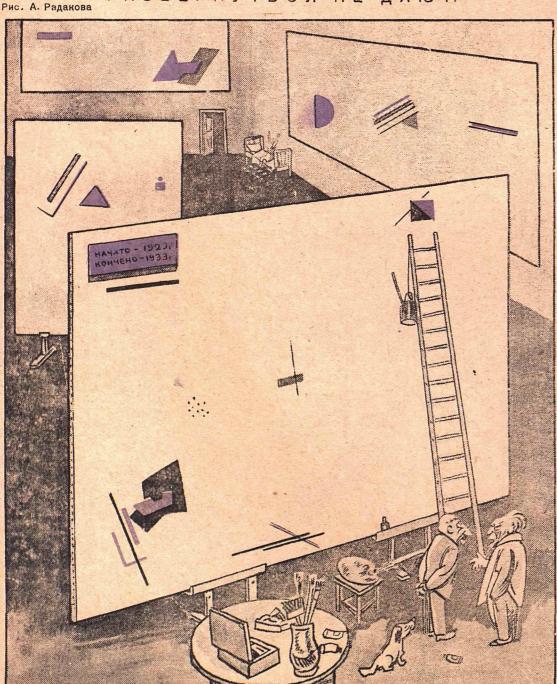
Прокуратура опротестовала этот неслыханный приговор. (3)

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело пересматривается.

Прошел месяц.

Евдоким Федорович Карнаухов продолжает работать в Одессе. Попрежнему — на ответствен ной работе. Он — директор института скорой по ной расоте. Он — директор инстанува мощи. Чувствует себя неплохо. И в этом нет ни-чего удивительного. Одесса—чудесный город. От-личный климат. Много знакомых. И совершенно замечательные судьи...

РАЗВЕРНУТЬСЯ НЕ ДАЮТ!

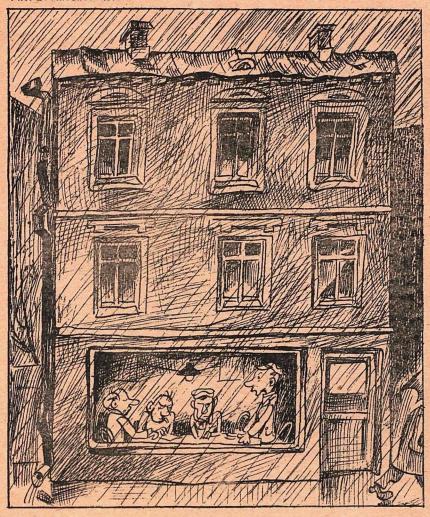
ХУДОЖНИК-ФОРМАЛИСТ: — Если бы не жилищный кризис, разве я такие маленькие картины рисовал бы!..

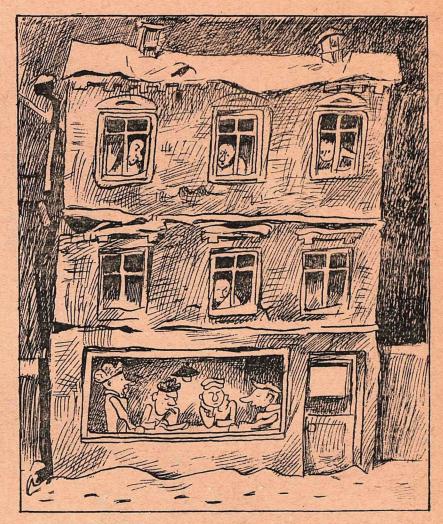
Л. ЛАГИН

ЗАСЕДАНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

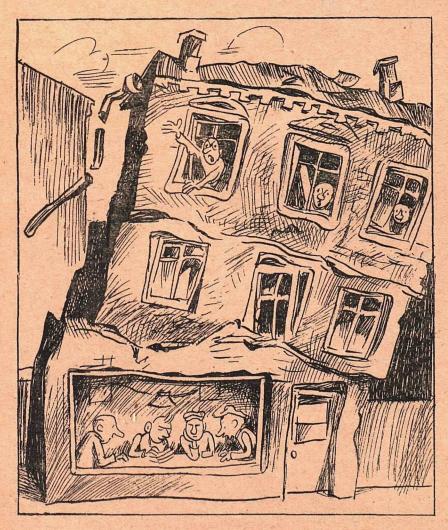
Рис. Б. Антоновского

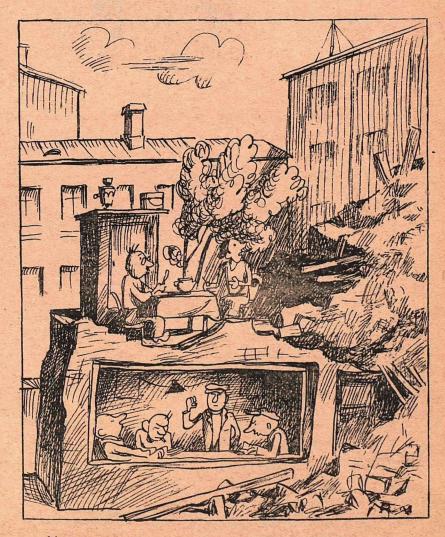
Осенью правление жакта вплотную приступило к обсуждению вопроса о ремонте дома...

Зимой наметился "перелом"...

Весной определился сдвиг...

И... заседание по вопросу о ремонте дома продолжается.

The state of the s

CTAKAH ВОД

Пои последнем обследовании некоторых наших внутренних ресурсов выяснилось, что еще не все Гулливеры вырваны у нас с корнем.

Еще кое-где они здравствуют. И даже должности занимают. Росту они невеликого. Но дело не в сантиметрах.

А в самочувствии.

И в небольшой порции фантазии. Кажется им, что они великаны, а мы с вами, а также наши интересы и заботы — что-то вроде маленьких точек.

Ничего ты с ним не поделаещь, с таким чело-веком. Хвали его, — не покраснеет. Клейми его по-вором, — не поможет. Он чувствует себя корабельной мачтой и плевать он хочет на все мелочи жизни.

- Мне ли заниматься кочками, когда имею приввание горами ворочать? Мне ли интересоваться спичками, когда в моей могучей груди бушует пламя мировых пожаров? Мне ли уделять драгоценное внимание какой-то там газированной воде, когда в мыслях безбрежные океаны?

Вот почему летом во многих наших городах все есть. И жара. И зной. И пыль. И жажда. И Брод-

трест. Одного только нет — стакана воды. Нет воды! Еще не все наши города одолели эту

неприступную крепость. Туземным Гулливерам не до этого. Они углубились в мировые проблемы.

Даже в Москве только этим летом стало замет-

даже в подкве голько этим легом стало заметно какое-то движение газированной воды. Другое дело — в Свердловске.

Там начали думать о летнем зное еще тогда, когда стояла осень на дворе.

И вот когда осень стояла на дворе, в учреждениях сидели. И думали.

Сидели и думали всю осень, всю зиму. Наконец

Двадцатого марта — эта историческая должна быть отмечена в летописях города Свердловска — был разрешен основной вопрос:

— О форме киссков для прохладительных напитков.

Дело двинулось вперед. Построили. Но киоски надо покрасить. И тут выявились неожиданные трудности.

Догадливый читатель сейчас же скажет:

— Понимаю. Не оказалось краски. Догадливый читатель на сей раз неправ. Краски имеются. Много красок. Разных красок.

В этом-то и трудности. Ибо в связи с этим возник в Свердловске горячий спор.

Выявилось несколько течений художественной Одно течение — за зеленые краски, за цвет весны

и салата. Другое — только за синие краски, за цвет дале-

ких, манящих морей. Третье — за голубые краски, за цвет безмятеж-

ных голубых небес. Четвертое течение ратовало за цвет недожаренной яичницы.

Спорили крепко. Спорили долго. Бродтрест решил ублаготворить все стороны. Он, — чтобы ни-кому обидно не было, — установил на улицах ки-оски разных цветов. Тут тебе и салат, и море, и небеса, и яичница. Кому какой киоск по душе, —

туда и ходи утолять жажду. Уже в строй действующих гигантов должны были вступить киоски. Но тут возникло новое и весьма серьезное препятствие.

Дело в том, что заботу о насущных нуждах тру-

дящихся решил проявить областной отдел здравоохранения.

Там сидят политики дальнего прицела. Они тоже подумали. И подумали так:

- Хорошо. Трудящийся человек выпьет стакан воды. Будет жарко — выпьет два стакана. Поест перед этим селедки или воблы — выпьет три стакана. А потом? Можем ли мы этим ограничить наше попечение о трудящемся и его благополучии? Ведь надо все предвидеть, все предусмотреть...

Областной отдел здравоохранения потребовал на этом основании построить при каждом киоске... писсуар.

Короче говоря, чтоб причина и следствие стояли

Долго спорили по этому вопросу. Наконен уговорили свердловских ревнителей эдравоохранения, что требуемые ими пристройки к киоскам будут воздвигаться потом — в порядке строительства второй очереди.

Почти все улажено. А вода?

Много воды утекло за это время. Много полно-водных речей произнесено. И не мало таких же резолюций написано.

А о газированной воде как-то в суете и запамятовали.

И стоят киоски на улицах Свердловска, сияя на солнце всеми основными цветами современной радуги. И стоят пустые киоски, ввергая усталых пешеходов в соблазн.

Носятся слухи, что создавшимся положением особенно довольны свердловские здравоохрани-

— Вся эта история работает на нас, — говорят они, стыдливо улыбаясь. — Де-факто наше требование выполнено в первую очередь... Г. РЫКЛИН

КАК Я СТАЛ ВОРОМ

Народный судья посмотрел на меня мягким взглядом и сказал:

— Об'ясните суду, подсуднмый, что вас толкнуло на эту странную кражу?

Я откашлялся и бодро начал:

БЕЗ ПЕРЕМЕН

— Товарищи судьи, позвольте рассказать все по порядку. Итак, 24 июля текущего года утром со мной произошло несчастье. Надевая сорочку, я потерял заднюю запонку. Ту самую, которая держит воротничок. Надо вам сказать, товарищи судьи, что абсолютное большинство моих рубашек с пристегивающимися воротничками, так что без задней запонки мне никак не обойтись.

Как люди, умудренные житейским опытом, вы, наверное, заметили интересное явление природы: легче разыскать во льдах Арктики свой носовой платок, забытый на торосе в прошлом году, чем найти запонку, закатившуюся куда-то под комод у себя в комнате.

Тем не менее, я мужественно начал поиски. Двигал комоды, сворачивал шкафы, поднимал и встрякивал стулья. Запонки не было. Я обливался потом. Тогда я позвал на помощь Костю и Степу, сыновей соседки.

Отрекомендовавшись Ляпидевским и Каманиным, Костя и Степа охотно взялись за аварийно-спасательную работу. Однако они оказались чужды бескорыстия и потребовали оплаты в размере двух шоколадных конфет на нос каждому и по полтиннику звонкой монетой. Конфеты — вперед.

Мы ударили по рукам. Слопав конфеты, мальчи-ки легли на животы и по методу индейцев из пле-

мени гуронов облазали всю комнату. Запонки не было.

Тогда, стыдливо держась за голое горло, я отправился в поход по магазинам искать заднюю запонку. Даю вам честное пролетарское слово, товарищи судьи, что я обошел добрую половину галантерейных магазинов Москвы, начиная с универмага Мосторга и кончая рыночными палатками. Задних запонок в магазинах не оказалось. В лучшем случае мне предлагали переднюю.

- Присобачьте переднюю вместо задней, хладнокровно советовали мне работники прилавка, обуреваемые рационализаторским зудом.
- Передняя не годится, мягко об'яснил я, она давить будет. На то она и передняя, чтобы не быть задней.
- Воля ваша, а задних нет. Может, подтяжки возьмете? Хорошие получены...
- Почему нет задних запонок?
- Про то нам знать не дано, говорили работники прилавка, не делают у нас задних запонок.

Тогда я решил пойти к своему знакомому ответственному работнику промысловой кооперации — товарищу Зиялову.

Товарища Зиялова я застал дома, — был выходной день. Он сидел в пижаме и читал газету.

— Почему не делаете задних запонок? — спросил я его резко.

Товарищ Зиялов ничего не мог мне ответить. Сначала он стал ссылаться на перегруженность,—

ва всем, мол, не углядишь. Потом сказал, что вообще задними запонками должен заниматься Наркомат легкой, вернее даже тяжелой промышленности. А потом начал грубо, заметьте, товарищи судьи, грубо кричать на меня, что, дескать, не надобыть разиней и терять уникальные предметы роскоши.

В этот самый момент я заметил его сорочку, висевшую на спинке кресла. Из сорочки торчала отличная задняя запонка довоенных кровей. Я почувствовал неудержимый зуд в пальцах. Когда Зиялов отвернулся, я в мгновение ока вытащил запонку из его сорочки и сунул себе в карман.

Уверяю вас, товарищи судьи, что по дороге домой я не испытывал никаких угрызений совести, свойственных новичку-карманнику. Напротив, я хищно улыбался, представляя себе, как тучный скупой и бездетный Зиялов будет ползать по полу на животе по методу индейцев из племени гуронов, разыскивая украденный мною уникальный предмет роскоши стоимостью в 25 копеек.

Не могу умолчать, товарищи судьи, что, придя домой, я нашел свою заднюю запонку у себя на кровати. Я спрятал ее под замок. Остальное вы знаете: Зиялов дознался, что я украл у него заднюю запонку, и подал в суд. Спокойно я ожидаю ваш приговор.

Суд удалился на совещание.

Меня оправдали.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

(Рассказ художника Ф. РЕШЕТНИКОВА)

КИНОТРАГЕДИЯ

Не надо думать, что весь поход «Челюскина» представлял непрерывную борьбу с трудностями. Мы умели организовать досуг, умели веселиться. В нашей жизни на корабле, а потом и на льдине было не мало веселых моментов.

Каждый праздник, каждое событие чали вечерами самодеятельности. Кроме стенга-зеты, регулярно выходил юмористический жур-нал «Л'едовитый крокодил», световая юмористическая газета, об'емные говорящие шаржи и т. д. Мы отмечали не только смешные стороны нашей жизни, но и тяжелые моменты старались облег-

Когда «Челюскин» безнадежно застрял на зимовку (момент, прямо скажем, не особенно весе-лый), мы с Аркадием Шафраном выпустили спеделу. Фильм назывался «Ледяная трагедия» в 7 частях. частях.

Заготовлен был «фильм» на смытых фотопластинках, которые проектировались на экран из простыни через самодельный проекционный фо-

В кают-компании публика занимает свои места. Тушится свет. На экране — заголовок «Трагедия» с перечислением авторов и постановщиков. Это длится примерно полторы минуты. Публика настроилась глядеть трагедию. Жирным шрифтом появляется новая надпись:

часть первая

картину со-Борис Громов заводит патефон; В зале полная провождает печальная мелодия.

Затемнение. Меняется кадр. В тяжелых льдах Чукотского моря стоит мрачный, весь помятый «Челюскин». На носу у него большая пробоина. Из пробоины высунулся старком Гудин. Облокотивщись щекой на ладонь, он тоскливо глядит вдаль. Кадр уходит в темноту.

YACTH BTOPAR

Снова появляется та же мрачная стихия, захватившая в плен беспомощного «Челюскина», и тот же мрачный старком в пробоине. Публика терпеливо молчит, полагая, что мы по ошибке повторили кадр.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Затемнение. Стихия. Пробоина, Гудин. Публи-ка начинает слегка роптать. Кое-кто, не осознавши своего тяжелого положения, смеется. Аркаша бросает упрек публике:

— Положение корабля действительно тяже-лое, и смеяться тут не над чем!.. До 7-й части менялись только заголовки, а

картина была одна и та же. И она была очень похожа на действительность: «Челюскин», зажатый льдами, никуда не двигался уже целый месяц. Поэтому со стороны публики никаких особых нареканий мы не слыхали.
Мы только удовлетворили желание масс посмотреть картину из нашей жизни. Зато, когда

стали показывать на экране комедию, романы и драмы, то было ясно, что однообразная жизнь была у нас только снаружи, а внутри корабля жизнь шла на полный ход. И когда какой-нибудь кадр выходил из рамки, публика стучала ногами и кричала:

Рамку! Рамку давай! Сапожники! Рамку!.. Словом, как в настоящем кино.

12 МЕДВЕЖАТ

Большим успехом пользовалась невинная детская песенка:

Двенаддать медвежат пошли купаться в море, там они резвились, играли на просторе.

Один из них утоп, купили ему гроб. И вот вам результат — одиннадцать медвежат. Одиннадцать медвежат пошли купаться в море...

и т. д. пока не «утопнут» все медвельства. Эту песенку пели хором, под аккомпанемент музыкальных и ударных инструментов, на которых Аркадий Шафран показал свое виртоузное мастерство.

Вначале песенка всем нравилась, но пели мы ее так часто, что В. И. Воронин не раз, бледный, появлялся в кают-компании и умолял скорей прикончить всех мелвежат сразу.

Однажды нас попросили устроить вечер самодеятельности. Программу нечем было заполнить, но мы быстро согласились. Сделали об'явление собрали публику.

Мы высчитали точно, что если начнем петь медвежат со ста двадцати, то это займет ровно два часа. Мы даже разбили программу на два отделения: в первом отделении будет исполнено шестьдесят медвежат, во втором - остальные шестьлесят.

Но когда эту программу об'явили, то публика тоже потребовала единовременной гибели бедных животных. Но мы упорьо исполняли нашу программу, несмотря на то, что слушатели стали расходиться быстрее, чем гибли медвежата.

На тридцать первом медвежонке последним по-кинул зал упорный штурман Виноградов.

3 "МАКРЕМАТ"

В период вынужденной стоянки решили устронть конкурс, кто больше чаю выпьет.

Дело в том, что у нас были отчаянные люби-ли чая—это были Марков, Кренкель и Матусевич. Из начальных букв их фамилий был со-ставлен интригующий заголовок «Макремат». В начале появилась таинственная афиша:

3 MAKPEMAT 3

В течение недели ежедневно афиши менялись. Усиливалась реклама, и население парохода не на шутку было заинтриговано: что же это за «макремат»?..

Знавшие секрет молчали и даже наводили на ложные догадки.

С каждым днем реклама усиливалась. Кроме афиш, на всех стенах и уборных были расклеены такие листовки в стихах:

Знаешь ли ты, Что скоро "З Макремат 3"?

Не хочу я чиоколад, А пойду на макремат!

Будь я стерва, будь я гад, А пойду на макремат!

Как я рад, как и рад!— Скоро будет макремат!

и т. д.

или:

или:

За обедом каждый у себя под тарелкой находил маленький прямоугольничек, на котором бы-ло написано— «З Макремат 3». В общем рекла-ма была поставлена высоко. Публика была заинтересована крайне, а за это время Кренкель, Матусевич и Марков усиленно тренировались.
Я каждый вечер подходил к столу и тихо спра-

шивал:

— Ну, как? Потный Кренкель, вытирая лоб, отвечал: — Сегодня двенадцать чашек кверху дном по-

Достижение! Матусевич виновато рапортовал:
— Десять выпил, больше не могу!
А Марков печально молчал.

— А у тебя как? — спрашиваю.
— Сегодня выпил шесть чашек, и живот забо-лел. Думаю отказаться. Заранее сдаюсь. Куда Куда

мне за этой цистерной угнаться?..- указал он на Кренкеля и убежал в уборную.

Кренкель нажал на тринадцатую чашку. Матусевич посмотрел на него и сказал:

— Я тоже думаю отказаться. У меня — волосы дыбом:

— Что вы, братцы! Такая реклама пущена, завтра выступать, а вы хотите сорвать дело!

общем, кое-как уговорил, только Маркова пришлось заменить.

Разработали план выступления. Трое в масках под музыку пяти патефонов с разными пластинками должны войти в кают-компанию и сесть за стол, каждый против своего медного семейного чайника. Ко всем трем должен был подойти свой массажист с полотенцем, сделать быстро массаж

Главный судья должен был торжественно через рупор сообщать все детали хода соревнования, Например:

— Кренкель пьет девятую чашку!.. Допивает!.. Опрокинул: чашка пуста!... Вытирает пот вторым полотенцем! Матусевич и Марков сдались!.. —

и т. д.
Мы тогда неподвижно стояли в об'ятиях льдов у острова Колючина.

Была вывешана последняя афиша на разных

Алло, как вас, виноват! Вы не позабыли о "Макремат"?! Событие произойдет Раньше, чем тронется лед! Раньше, чем увидим в погоде перемену, 3 Макремат 3 взойдут на арену. 3 Макремат 3 — единый аккорд! 3 Макремат 3 — мировой рекорд! Чемпионы Северовосточного прохода! Событие необычайного рода! Первый раз, Только у нас Состоится И может не повториться! Запасайтесь терпением! Результаты с превышением! Завтра — ровно в три · !!! 3 МАКРЕМАТ 3 !!!

Но на завтра был назначен аврал по обколке ледокола, продолжавшийся семь дней «3 Макремат 3» не состоялся.

В ЧУКОТСКОИ ЯРАНГЕ

Во время нашего перехода из Ванкарема в Увллен нам на ночевку приходилось останавливаться в чукотских прангах.

Скудные свои запасы продуктов мы распреде лили в первую же ночовку между собой и семьей нашего хозяина, Наевшись, хозяин стал набивать табаком трубку, сделанную из русского патрона.

Хозяин был в одних меховых кальсонах. По низкому столику, за которым мы обедали, ползали два маленьких голых ребенка лет по 5—6. подбирая остатки обеда, а после пошли закусывать материнским молоком: чукчанки кормят детей грудью до 8 лет.
Я угощаю папиросой старика, тянется за па-

пиросой и старуха. Старик показал на мать, кормящую детей, что то пробормотал по-чукотски. Я

догадался: угощаю и ее. Чукчанка берет три папироски — одну кладет себе в рот, а остальные раздает своим... сосункам. Те на минуту прекращают трапезу, с важным видом берут папиросы и прикуривают. Выпустив дым, они снова пристраиваются к матери, держа между пальцами дымящуюся папиросу. А, пососав немного, опять затягиваются и опять начинают сосать. Чукчи табак очень любят.

ЧТО НОВЕНЬКОГО?

«Шумная толпа запрудила улицу Дарю...» Так начинается пространная заметка в «Возрождении», озаглавленная «Свадьба А. Э. Мдивани».

По какому же случаю шумная парижская толпа запрудила улицу Дарю?

«Один из трех братьев Мдивани венчался с американской миллионершей Варварой Хеттон, наследницей миллионов Вульворта».

Лейб-орган черной сотни в Париже дает мимоходом сведения о других двух братьях Мдивани. Первый — женился на киноартистке Полла Негри, второй — разводится с кинематографической звездой Мэй Мурова

Какое упоение, какой неземной восторг вызвала великосветская свадьба в душе сотрудников «Возрождения».

«По случаю торжества русский храм Александра Невского на улице Дарю преобразился,— захлебывается «Возрождение»,— над двором был устроен громадный шатер, превращенный внутри в оранжерею. Церковь была убрана белыми розами и лилиями. Швейцары в белых чулках встречали у входа приглашенных. Никогда еще улица Дарю не видела таких ослепи-

тельных туалетов, такого количества цилиндров и визиток...»

«Русских в церкви почти не было, — поясняет сочинитель свадебного отчета. — Венчал отец Яков Смирнов с отцом Георгием Спасским и грузинский священник. Исключительно пел увеличенный до 30 исполнителей метрополичий хор.

По окончании богослужения молодые принимали поздравления в шатре. Среди поздравителей обращали на себя внимание господин Ной Жорданиа, бывший грузинский министр иностранных дел Е. П. Гегечкори и бывший грузинский посланник в Париже Чхенкели».

Таким образом грузинские меньшевистские министры пришли чествовать дорогого родича, удачно женившегося на наследнице миллионов Вульворта.

«В результате этой свадьбы миллионеров церковь обогатилась новым ковром и люстрой в алтаре». О том, что перепало гостям, мы так и не узнали.

Орган русских черносотенцев в Париже до сих пор не может забыть щедрот четы Мдивани. В заметке о встрече Муссолини и Гитлера в Венеции он услужливо сообщает читателям, что в апартаментах Гранд-Отеля, которые были предоставлены Гитлеру, останавливались Эдуард VII, король Англии, бывший испанский король Альфонс XIII, греческий король и чета Мдивани.

Известно, что вождь русских фашистов, некто А. А. Вонсяцкий, тоже женился на наследнице чьих-то миллионов.

Почему бы «Возрождению» не выдвинуть новую кандидатуру в русские фюреры? Почему бы вместо неизвестного господина Вонсяцкого не сделать вождем русских фашистов знаменитого Мдивани? Во-перных, он побогаче Вонсяцкого, во-вторых, он останавливался в тех самых комнатах, которые потом обессмертил своим визитом фашистский вождь.

Сколько во Франции отставных министров?

Ответ: двести тридцать пять (235) персон.

Желаете знать, сколько их заседает в палате депутатов?

Ответ: сто семьдесять два (172) человека.

Таким образом каждый третий депутат — бывший министр. А остальные?

Остальные, если не считать коммунистов, хотят быть министрами.

Журналист Жео Лондон, прославившийся антисоветским враньем, сейчас, можно сказать, не у дел. Читатели «Журналь» разочаровались в боевой теме Жео Лондона. Надо же жить, и Жео Лондон опубликовал труд с парижских собаках.

Рис. А. Топикова

Парижские собачки, оказывается, кокетливы, веселы, умны, как прирожденные парижанки. По этой, должно быть, причине для парижских собачек держат особые рестораны и бани. Так и называются: «бани для собак». Не вдаваясь в характеристику парижских собак, остановимся на одном тезисе произведения Жео Лондона: «Парижские собаки не попадают под ав-

«Парижские собаки не попадают под автомобили. Давят, главным образом, собак из провинции»,— утверждает Жео Лондон.

До чего может дойти человек, которого лишили хлебной темы.

Жалеть таких надо.

Клайнс, социал-фашист, бывший министр во втором кабинете Макдональда, поделился с присутствующими на митинге своим мнением о премьер-министре Англии Макдональде:

«Первый министр счел возможным говорить о честности в политике, но Макдональд — последний человек в мире, который смеет говорить о честности. Вся его политика сплошной обман».

Допустим, что Макдональд — последний человек, а Клайнс предпоследний.

Интересно бы услышать, что скажет Макдональд о Клайнсе.

С неким г. Вакаром, сотрудником парижских «Последних новостей», приключилась неприятность. К нему пришел неизвестный господин и скромно сказал:

— От лица пятидесяти офицеров прошу вас оставить в покое имя лейб-гвардии гренадерского полка.

Тут пошел между посетителем и сотрудником газеты интимный разговор по поводу дел в белогвардейском общевоинском союзе.

— Прошу меня не учить...— сказал г. Вакар и добавил непечатное слово.

— После этого я ударил его по лицу, от чего он отлетел в сторону,— скромно признается собеседник г. Вакара.

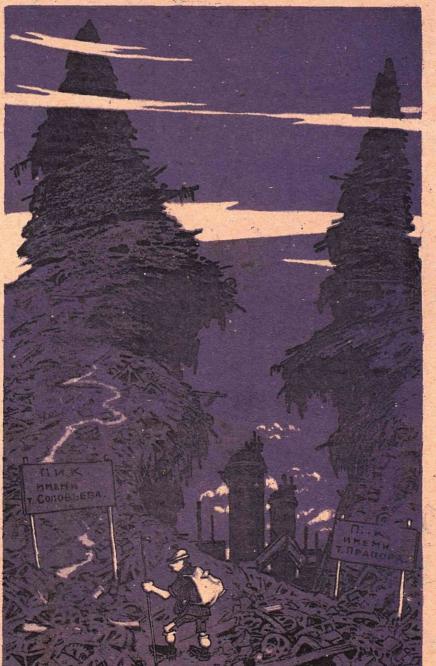
Так описывает этот факт «Возрождение». «Последние новости» излагают его несколько иначе. По их данным, защитника лейб-гвардии гренадерского полка спустили с лестницы.

Но так как остается еще сорок девять неиспользовавших свою мускульную силу офицеров, можно посоветовать редакции повесить на дверях плакат, два года подряд висевший в редакции одной южноамериканской газеты:

«Все наши сотрудники боксеры и стреляют первыми».

— Почему два года? — спросят читатели. Потому что на третий год редакцию взорвали динамитом и газета закрылась.

Л. НИКУЛИН.

Горный пейзаж на Ворошиловском металлургическом заводе.

АЛЛАДА P

При метеостанции некой Ревматик потомственный жил. Он станции той человеко-Барометром верным служил.

Увы! Беспризорный, забытый У метеостанции вид: Все окна и двери забиты, Замок на воротах висит...

Любимый, желанный и чуткий, К себе машинистку он звал И рапорт подробный за сутки Торжественно ей диктовал.

Чрез месяц трубили победу, Воскрес заколоченный дом: Ревматик молнировал: "Еду!" Ответила станция: "Ждем!"

Как много и бума и пыла! Встречают его, как вождя. Уж станция двери открыла, Приезда ревматика ждя.

 Пишите: "За сутки итоги.
 Вчера нездоровилось мне — Заныли и руки, и ноги, И больно стреляло в спине..." Он входит. Как взор его ясен! Поднялся на станции рев: "Он весел, румян и прекрасен! Проклятье! Ревматик — здоров!"

Сказал, — и на верхней площадне Погоды предсказан уж план: На утро — "сплошные осадки" На вечер — "местами туман".

Машинки стрекочут напевно И весь на-чеку аппарат... Трещит телеграф ежедневно, И в воздухе "сводки"

Не ноют ревматика ноги, В нем пышет и свежесть и прыты! станция в лютой тревоге: Да! Лавочку надо закрыть!

Но вот наш ревматик з июле На отдых отправился в Крым. Не зря машинистки вэдохнули; Зарез без ревматика им!

Закрыли, повесив планатик Из двух недвусмысленных строк: "Треб. неизлечимый ревматик. Излеч. просят нас не беспок."

МИХАИЛ ПУСТЫНИН

СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР КРОКОДИЛА

ПОСВЯЩЕННЫЙ

ВАДЦАТИЛЕТИЮ И Р О В О Й империалистической H

> ВЫХОДИТ В УВЕЛИЧЕННОМ **PA3MEPE**

ТАК НЕ ДЕЛАЮТ

Встретил на улице старого своего приятеля Коровича.
— Корович! Эдорово, дружище!

Привет, — скучно отоввался Ко-

рович. - Что с тобой, брат? Ты того... Какой-то невеселый...
— Нет, почему. Живем помаленьку.

Вот на новую квартиру переехал...

— Ну?! Давай адрес, непременно

приду поглядеть, как это ты оброс... Я записал адрес, уныло изложенный Коровичем, и, действительно, дня че-

рез три заглянул. Еще в передней я столкнулся с гражданином в потно-грязном резиновом ватерпруфе. У гражданина были рыжие усики и ничтожный, задранный кверху нос. Микроскопичность втого носа подчеркивалась еще и тем обстоятельством, что его обладатель, кажется, навеки вонвил в несчастный нос указательный палец.

— Здравствуй, — сказал мне Коро-

вич с бледной улыбкой, - хорошо, что вашел... Познакомься, это — наш прораб товарищ Черепицын, так сказать,

водчий нашего дома.

Зодчий, не вынимая из ноздри паль-

ца, наклонил голову.

- Так вот, товарищ Черепицын, я нак вог, товарищ черепицын, и вас просил зайти, чтобы показать коечто в квартире... Ну, во-первых, эти вот трещины на потолке и на стенах... — А что ж такого? Правильно, — сказал зодчий Черепицын, произнося слова несколько в нос. — Правильно.

Трещины и должны быть.
— Должны?.. Гм... Ну, допустим, бог с ними, с трещинами. А вот вы посмотрите на краску. По стене проведещь рукой — рраз! — и, пожалте:

рука испачкана, а стена белая.

— Правильно. Теперь так делают.

— Но почему так делают?—волновался Корович.—И почему, скажите на мидость, еще и так делают, что вет тоуба - обыкновенная канализационная труба - вдруг выдезает в середине стены, тянется, вон видите, до тех пор - и вдруг пропадает, как ручей в

— А что ж особенного? Правильно, Скажите спасибо, что пропадает.
— Стояк? Канализационный стояк в

комнате?!
— Правильно. Теперь так делают. — Хорошо. Допустим, так делают. А балконы так тоже делают?.. Вы пройдите на минуточку... Видали, как прогнут? Хорош балкончик! Чистый прогнут? Хорош балкончик! Чистый гамак. К тому же и качается, как га-

Черепицын переменил палец в но-

здре и произнес:
— А что ж особенного? Правильно. Балкон — дело летнее, и гамак — летняя вещь. Одно к другому очень под-

ходит.
— Хорошо, — сурово сказал тогда Корович. — Хорошо. Балкон — дело летнее. Ну, а паркет — музыкальное дело или какое?
Я заинтересовался и спросил:

Что ты хочешь этим сказать, Корович? Как это - музыкальный пар-

KET?

— Так! Если он не музыкальный, то пусть он себя и не ведет, как клавес-сины или рояль фабрики Бехштейн. Корович отбежал в известное ему

место в конце коридора. Там он яро-стно заступал каблуками, и, действи-тельно, после каждого удара одна или две дощечки паркета поднимались и опускались, как потревоженные клавиши.

— Я вам не музыкальный эксцентрик! — кричал Корович под аккомпанемент паркета... Я ногами играть

чижика не желаю!
— Как же, товарищ прораб?— за-ступился за приятеля.

еперь так делают.

— Ісперь так делают.
— И окна теперь делают без шпингалетов?! — кричал Корович. — Вот, полюбуйтесь: окно заперто — нет, зашпилено английской булавкой! Это уже жена — пришила ленточки и зашпиливает. Пока, говорит, пусть на

английской булавке побудет, а потом я куплю пуговиц покрупнее. А фор-

точки можно будет на кнопках.
— А что ж особенного? Правильно,

можно и на кнопках.

Корович в изнеможении сел на стул. Вернее, даже не сел, а упал.
— Я вас попрошу, товарищ Черепи-

цын, откройте дверь в кухню. кройте. Попробуйте.

Черепицын подошел и взялся за ручку двери. Дверь зашевелилась. Она вылезла из рамы почему-то обоими кра-ями, слегка поколебалась и вдруг, как бы решившись, звонко ударила Черепицына по голове.

Все втроем мы крякнули в одно и то же мгновенье: Черепицын — от бо-ли, Корович и я — из элорадства.

- Ну-с, как вы ее находите, эту ми-

лую дверку?

Черепицын, почесывая темя, сказал:

— Крепкая филенка: видите, хоть

— крепкая филенка: видите, коть бы что. Теперь так делают.
— Тогда пройдемте в кухню, — прохрипел Корович упавшим голосом. — Только сперва оденьте калоши. Через потолок накапало со второго этажа... Черепицын покачал головой, желая

из явить свое несогласие.

— Это не со второго этажа, это с третьего: с третьего. этажа протекло на той неделе во второй этаж, а теперь уже и до вас дошло... Что ж особен-

ного?.. — Может быть, вы и в этом ничего особенного не найдете?.. — завизжал

уже Корович.

Он кинулся к окну, обсими руками схватил доску подоконника и, отделив ее от присвоенного ей места, отошел с ней назал.

— Видите, что там??! — Улица, — спокойно констатировал Черепицын.

Я, ничего не видя за спиной Коровича, наивно переспросил:

— Какая улица?

—А эта... улица Герцена, — вежливо обратился ко мне Черепицын. Что ж особенного?.. Раз вы живете на улице Герцена, ее и видно. Не можем же мы вам здесь Маросейку показывать или Плющиху...

Второй раз я навестил Коровича месяца через три. Надо сказать, что он весьма ваметно подправил свое жилище. Трещины и пятна, прыгающие половицы и двери, окна без запороввсе это был, так сказать, пройденный

Мы болтали уже с полчаса, как вдруг кто-то постучался в квартиру. Вошел зодчий Черепицын с непременным пальцем в миниатюрном носу. На

ным пальщем в миниатюрном носу. Гта этот раз он был видимо взволнован. — Вот, товарищ Корович, — заду-щевно начал он, — я вам дом по-строил, а меня за это под суд отдали...

— Да? — равнодушно переспросил Корович. — Теперь так делают.

Порович. — Геперь так делают.

— Так ведь этак посадить могут, — продолжал Черепицын, занятый своими мыслями и носом, он не заметил наших мимических радиограмм.

— Дадут вдруг лет пять со строгой...

Корович выдержал дьявольскую паузу и сказал:

А что ж особенного! Правильно!

Черепицын всхлипнул.
— Вот, небось, и вас вызовут свидетелем. Я уж внаю, вы тоже начнете на недостатки жаловаться...
— Теперь так делают, Черепидын.

Раз есть недостатки, о них говорят.

— Ну, да... вот придумали все говорить, будто я плохо построил, от проекта отошел, дорого, неряшливо...
— Правильно.!

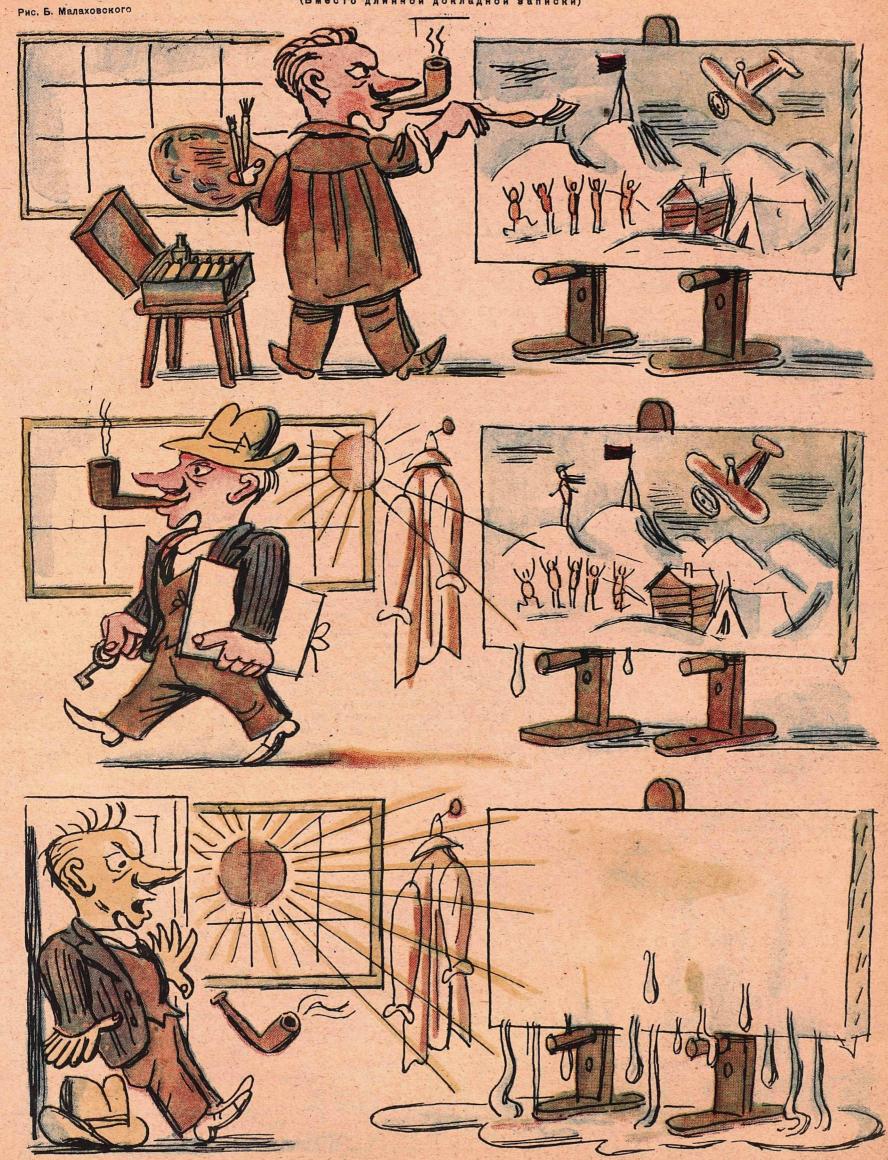
— A чем я виноват? Я строю, как умею. Я, может, стараюсь, я дело де-

лаю...
— Теперь так не делают! — сказал Корович и встал. — Теперь так не смеют делать! Теперь надо делать хорошо. Идите, Черепицын, судить вас будут правильно!

В. АРДОВ

ЕЩЕ О НАЧЕСТВЕ НРАСОН

(Вместо длинной докладной записки)

ВИНОВАТ ВЕТЕР

Ветер — типичный мелкий пакостник. С тех порего отменили в качестве незаменимого двигателя, он обозлился и занимается уличным хулиганством. Это он срывает шляпу, когда обе руки заняты покупками, это он бесстыдно вздувает парусами мокрые кальсоны на веревке, это он месяц назад вырвал из рук у Бориса Платоновича Тка чукова почтовую повестку, погнал ее по земле, взвил вверх и погнал в неизвестном направлении.

Борис Платонович гнался за повесткой, то пытаясь наступать на нее ногой, как на ускользающую эмею, то подпрыгивая вверх, как расшалившийся второклассник. Хватался в отчаянии за го-лову, взывал о помощи, но все было напрасно: по-вестка убегала. Население Новой Баварии (Харьковская область) изумленно выглядывало из окон и степенно делилось впечатлениями:

- Ученый скачет... До чего же это человека на-

секомые довели...
Но Борис Платонович не слушал этих сентенций. Почувствовав, что стихия победила и ветер не от-даст ему повестки, ов уже бежал к Новобавар-скому почтовому отделению с той шумной безна-дежностью, с какой опоздавший пассажир бежит

за экспрессом.

- Слушайте. -- вытирая пот и отдуваясь, сказал он начальнику Новобаварского почтового отделения.— Вы меня знаете... Я у вас часто бываю. Моя фамилия Ткачуков. Я энтомолог. Я начальник цеха наглядных пособий. Я снабжаю весь округ коллекциями насекомых-вредителей... Понимаете, для борьбы с полевыми вредителями... Насекомыми...

Так мы же по почтовой части, — зевнув, скавал начальник, — а вы — по насекомной. Мы здесь

не при чем...

— Послушайте... Товарищ дорогой... Мне при-шла посылка из Ташкента... Вот она как раз сзади вас стоит...

— Ну, так и получите,— равнодушно сказал начальник, начав свертывать самокрутку,— нам вашей посылки не надо.

— Дело в том, что я получил повестку. Маленькую такую. А у меня ее вырвало ветром. Но вы не беспокойтесь, — у меня с собой паспорт, у меня удостоверения, у меня...

— А повестка?
— Я же вам говорю: ветер. Честное слово, я ее ловил... У меня есть свидетели, как я бежал... Бег тут не при чем, — уже настороженно за-метил начальник станции, — бегать каждый может. Давайте вашу повестку.

ПО АНТИЧНОЙ СКУЛЬПТУРЕ

Фотомонтаж Б. Клинча

вынимающий Мальчик в буцах, занозу

— Нет у меня повестки. Я же знаю, откуда по-сылка, у меня есть паспорт... В ней же живые на-секомые... Гусеницы...

Это нам все равно, что кому посылают. Кому

колбасу, кому носки, кому гусеницы. — Они же жрать должны, понимаете?

— А это не наше дело. Мы посылки кормить не

— Позвольте... Ну, как же это! — стонал Тка-уков. — Гусеницы же. Из Ташкента... Живые... Они же сдохнут...
— За сдохнутие посылок не отвечаем. Пред'-

— За сдохнутие посылок не отвечаем. Предявите повестку и целуйтесь с вашими гусеницами.

— Ветер же... Я вам говорю: ветер!

— Один скажет ветер, другой скажет дождь, а
мы отвечай? Так по-вашему? Пред'явите вашу повестку, гражданин Ткачуков, Борис Платонович.

— Паспорт с собой... Гусеницы сдохнут... Из
Ташкента... Вы же меня знасте... Кормить их надо...

— На ито это за доли такие. Все ито же выс

— Ну, что это за люди такие... Вас что же, выводить, что ли, отсюда? Вы чего не понимаете-то? Вот он — я, вот вы — вы, вот посылка, а повестка где, я спрашиваю? Нет ее? До свиданья!

Борис Платонович Ткачуков, пошатываясь, вышел из почтового отделения, сел на лагочку, закурил и стал думать о том, как через некоторое время сдохнут ценные экземпляры ташкентских гусениц. Он вспомнил, как еще в царское время он вез с собой из Цейлона и Соломоновых островов богатую коллекцию насекомых и усатый таможенник хладнокровно резал ножом живые куколки в поисках контрабанды. Он вспомнил, что сейчас в округе ждут от него редких экземпляров насекомых такие же пытливые, старательные и честные работники, как он... Он вскочил с лавочки, снова вбежал на почту и сказал тихо и умоляюще:

— А может, все-таки отдадите моих насекомых?

— Опять вы здесь, гражданин? — ковыряя в ухе, отмахнулся начальник. — Ну, сколько раз вам надо говорить. Есть у вас повестка? Нет. Чего же вы от нас хотите?..

Ткачуков медленной походкой шел домой. Гусеницы дохли. Ветер где-то в пустынном переулке нахально играл белым клочком бумажки.

А. ПОЛУЗАЙЦЕВ

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Дорогой Крокодил!

В гор. Энгельс (АССР нем. Поволжья) добросовестная квасопроводящая сеть, и никто не возражает против этой добросовестности. Но войди в положение населения, которое читает ежедневно над квасными киосками следующее предупреждение:

Квас приготовлен с прибавлением сахарина.

Не рекомендуется употреблять:

1. Беременным.

2. Летям.

3. Почечным больным.

4. Престарелым.

Госинспектор (Манихина)

Очень хорошо, что престарелые предупреждены и будут сами отвечать за возможное несчастье после такого кваса. Не плохо и то, что родители должны торопливо отводить детей от квасных киосков, во избежание катастрофы. Да и с почечными больными поступлено по-человечески. Но, спрашивается, вачем делать такой квас, который не столько может облегчить жажду населения, сколько испугать его и навести на грустные размышления?

А. КРЕУС.

г. Энгельс.

Дорогой Крокодил!

Я бы не стал беспокоить тебя из-за мелкой кражи, которая кончается милицейским протоколом. Здесь дело значительно хуже. В ночь на двадцать четвертое июня обокраден город Калинковичи (БССР), и все обошлось совершенно без милицейского протокола. Было бы неделикатным утомлять тебя и твоих читателей подробным описанием украденного, но не могу не упомянуть: о лошадях, уведенных из леспромхова, о пожарной машине, украденной в соседнем совхозе, о быках — оттуда же и, наконец, о нескольких коровах, пропавших в эту ночь с городской бойни. Все эти трофеи лихого налета на маленький городок на другое утро покоились, мычали и били копытами на дворе горсовета.

Что же касается милицейского протокола, то его не могло быть по той простой причине, что милицейские и бригадмиловцы были слишком заняты в эту ночь. Это именно они и украли и коров, и лошадей, и пожарную машину. Это был так навываемый «показательный налет» на город и его окрестности с целью проверки бдительности сторожей. Ты понимаешь, дорогой Крокодил, что в такой проверке по существу нет ничего плохого, но проводится она и у нас в Калинковичах, и в Горках, и в Белыничах, и в Мозыре такими пинкертоновскими способами (с переодеваньями, с паролями, с таинственным шопотом), только дискредитирует самое себя. Теперь население, напуганное бригадмиловцами, крепче запирает замки и засовы не столько от настоящих грабителей, сколько от «показательных налетов»... А. АРОНСОН.

Мозырь.

Дорогой Крокодил! Ты, наверное, не раз читал и слышал об отважных истребителях волков, и мне заранее известно твое отношение к этим храбрым людям и их полезному делу. Теперь мне интересно узнать твое отношение к тем периферийным работникам, которые полагают, что самое полезное в волчьей проблеме на местах - это всемерное размножение волчьего поголовья. Для того что-бы не быть голословным, приведу тебе факт, о котором лучше всякого ресказа говорит следующий подлинный документ:

«БЕЛЗАГОТПУШНИНА ДОЕВСКИЙ З/ПУНКТ 10/УІ-32 г. № 156 г. Доев.

копия.

企业的特别处

Минск. Уполномоченному т. Во-лынской по БССР.

Довожу до вашего сведения, что Доевский секретарь Райкома партии тов. Кирущенко был в Бувальках того же с/с. Доевского района в мае месяце, где наши охотники поймали 9 штук волченят на болоте Котов Мох и советовались как их направить в Доев или живыми или убить и по-шли к Кирущенко в с/совет спросить как лучше сделать, а т. Кирущенко их обругал всякими матерщинами и заставил отнести туда, где их взяли, а то говорит, что волчица рассердится и порвет все стадо ваше и охотники вынуждены были отнести навад. Теперь у нас смеются охотники, что будем волков разводить, чтобы они стадо не тро-

Прошу вашего содействия на таких ру-ководителей, чтобы больше так не делали. Заведующий Заготпункта

(Пинчук)». Ответь, дорогой Крокодил, что же делать в дальнейшем, истреблять ли волков или заботиться о волчьем поголовье? Уполн. НКВТ по БССР И. ФЛИД.

Минск.

0 СОБЫЙ ОТДЕЛ

СВЕЖИМ ПОВЕЯЛО

Сравнительно часто приходится нам встречаться с теми милыми и всем знакомыми фактами и поступками, которые исчерпывающе определяются ле-нинской формулой «формально правильно, а по существу - издеватель-

Но вот сегодня повеяло чем-то свежим. В городе Никольске, Северного края, нашлись головотяпы, которые

края, нашлясь головотяпы, которые умудрились вывернуть приведенную выше формулу наизнанку. «По существу — правильно, а по форме — издевательство». Это осуще-ствлено мудрыми предводителями Ни-кольского райкома Российского обще-

ства красного креста. Конкретно дело заключается в том, что райком РОКК заключил договор с районным земельным отделом насчет посевов в колхозах района «в фонд са-нитарной обороны». Ни райЗО ни колничего не посеяли.

РОКК незаслуженно обижен. Он вызывает симпатии. Но, очевидно, такое преимущественное положение не нравится товарищам из РОКК. Из чувства солидарности они делают глу-

пости, чтобы быть на уровне рай 30. В рай 30 посылаются четыре вида расписок, при чем препроводительная бумага просит подписать любую из них и вернуть в РОКК. Расписки же

РАСПИСКА

Я, нижеподписавшийся, завед. Никольским райЗО даю Никольскому райкому РОКК настоящую расписку в том, что мною. СДЕЛАНО и ничего не выполнено в исполнение договора, заключенного 6/V с. г. срайкомом РОКК В СИЛУ МОЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕГРАМОТНОСТИ.

Зав. рай30.

РАСПИСКА

Я, нижеподписавшийся, вавед, райЗО НЕ ВЫПОЛНИЛ ДОГОВОРА С НИКОЛЬСКИМ РОКК В СИЛУ ТОГО, ЧТО СОЗНАТЕЛЬНО НЕ ХОТЕЛ ЭТОГО СДЕЛАТЬ.

Зав. рай30.

N: 3

РАСПИСКА

Я, нижеподписавшийся, зав. Нинольским райЭО констатирую, что
ПЛАНОВОГО РУКОВОДСТВА НАД
КОЛХОЗАМИ райЭО НЕ ИМЕЕТ.
ЧТО ОНО ПЛЕТЕТСЯ В ХВОСТЕ
НАИБОЛЕЕ ОТСТАЛЫХ КОЛХОЭОВ
И ПОТОМУ НЕ ВЫПОЛНИЛО СВОЙ
ДОГОВОР с райкомом РОКК по весенне-посевной кампании.

Зай. рай30.

Nº 4

РАСПИСКА

РАСПИСКА
Я, нижеподписавшийся, зав. райЗО даю настоящую подписку Никольскому РК РОКК в том, что невыполненный по договору с РК РОКК
в весенне-посевную кампанию засев
хлебными культурами 2 га "на саноборону страны" обязуюсь выполнить в осенне-посевную, а всего с
осенним планом обязуюсь засеять
хлебными культурами в 1934 году
"на саноборону страны" в колхозах
района не менее 3 га.
Зав. райЗО.

От себя предлагаем обоим высоким договаривающимся сторонам свой (пятый) вариант расписки:

Я, нижеподписавшийся, председа-тель Никольского райкома РОКК даю настоящую подписку в том, что придуманные мною расписки свидетель-ствуют о моем неумении наладить настоящие деловые отношения с рай30. Место печати.

Подпись

НЕ ТУДА

Инвалид Легчилин из Павлоградского района (Западносибирская об-

ласть) поведал нам о своем недоумении.
Ему, Легчилину, в 1930 году был дан исполнительный лист на взыскание зарплаты в сумме 244 рублей. Тогда же неосторожный Легчилин под расписку сдал свой исполнительный лист в районный административный отдел.
И с тех пор. т. Легчилин так и не увиделся со своим исполнительным

листом, ибо лист этот перешел для обозрения Павлоградскому райпрокурору. Четыре года Легчилин обстреливает прокурора заявлениями о возвращении листа, но тщетно.
На-глаз Легчилин определяет количество заявлений полусотней.
Количество заявлений полусотней.

На райпрокурор безмолвствует. Крайпрокурор в этом смысле отличается от райпрокурора только буквой «К» в начале слова.

Вянет лист... исполнительный, конечно. Стареет Легчилин. Четыре года прошли, как сон, — пишут в гаких случаях беллетристы стажорской квали-

 $ilde{\mathcal{N}}$ вот теперь Легчилин спрашивает нас: туда ли обращается он за своим листом?

А что вы думаете? Очень может быть, что и не туда. Иной раз думаешь, что в кабинете сидит прокурор, а заглянешь, — там бюрократ. Вот так оно и выходит.

всюду жизнь

Жизнь кипит всюду. В том числе и в Понинках (Винницкой области). Там мы наблюдаем четыре мощных комплекса жизни: а) бумажная Понинковская фабрика; б) недалеко от фабрики вниз по реке Понинке Токаревковская фаорика; о) недалеко от фаорики вниз по реке Понинке Токаревский фарфоровый завод; в) Миропольская бумажная фабрика и г) рыба близ фабрики в речке Случ.

К сожалению, однако, бумажные фабрики не умеют наладить добрососедских отношений ни с фарфоровым заводом ни с рыбой.

Понинковская фабрика спускает в реку отработанную, плохо очищенную воду, что мешает и фарфоровому заводу, портит его оборудование (на заводе составлен акт).

воде составлен акт).
Миропольская фабрика водою же отравляет рыбу, и она, не умея составить акт, дохлая всплывает на поверхность реки, этаким старинным воставить акт, дохлая всплывает на поведения фабрики.

сточным способом протестуя против поведения фабрики.
Плохо это, бумажные фабрики! Надо жить по-хорошему. Так-то. Как нам ни дорога бумага, мы ценим и рыбу и фарфор. И все вообще ценим, кроме того, что приносит вред и убытки.

КОРОВА И ЛЮДИ

Доподаннно известно, что бескоровное городское население выходит замуж и женится совершенно беспрепятственно. Больше того, и в сельских местностях корова не является препятствием для брака двух любящих существ. Но, повидимому, не везде. Так, в колхозе «Гягант» (Карагандинского района) колхозница Черенкова хотела выйти замуж за пожилого гражданина из другого колхоза. Так как Черенкова оказалась счастливой обладательницей хорошей до ной коровы, ее любимый жених и будущий муж пожелал, чтобы она вошла в новую семью с упомянутой коровой в качестве, так сказать, приданного. В день свадьбы, когда Черенкова вместе с коровой отправилась к будущему мужу, правление колхоза пред'явило ей категорический ультиматум:

— Или выходи замуж без коровы или поищи другого жениха.

— Жених мой и корова моя,— заявила Черенкова.

— Жених — твей, корова — наша,— не менее твердо заявило правле-

- Не отдадим.

Неудачное замужество на этом прерывается. Жених остался без невесты, которая предпочла лучше расстаться с ним, чем с коровой. Правление в торжественных выражениях поздравило несчастного с возвращением в

что же касается «Крокодила», то он никак не может поздравить членов колхоза «Гигант» с избранным ими правлением. Прямо скажем, неважное правление. Бюрократ на бюрократе.

НАУЧНАЯ БОРЬБА

Борьба в недрах науки — явление старое. В свое время казнь Галилея была не чем иным, как результатом столкновения двух систем астрономии.

Научная борьба, правда, в несколь-ко своеобразных формах, ведется ру-ководством Московского института биохимии.

А раз происходит борьба, - законны и жертвы. Совсем недавно в порядке чисто научной борьбы была уничтожена библиотека научного работника Центральной санитарно-химической лаборатории профессора Фролова. Центральной

Домоуправление дома № 8 по Воренцову полю нарочно сняло крышу (якобы для ремонта), и через несколько дней библиотека профессора Фролова погибла от дождя. Ремонт же не производится на том основании, что нет материалов.

Повторяем, это было сделано в порядке научной борьбы: домоуправление дома № 8 по Воронцову полю, принадлежащего Институту биохимии Наркомздрава, травит тех жильцов дома, которые работают не в институте, а в Центральной санитарно-химической лаборатории. Как видите, с обеих сторон — деятели науки, значит, борьба строго научная.

Наряду с дождем институт биохимии мобилизовал на борьбу с ЦСХЛ и другое сильнодействующее явление природы — мороз.

Профессора Чарный и Фролов и другие сотрудники ЦСХЛ прошлую зиму подвергались, выражаясь научно, воздействию низкой температуры. Именно они и только они: жилища своих работников в том же доме Институт биохимии утепляет вполне достаточно.

Откуда же такое ожесточение? Об этом надо спросить директора Института биохимии д-ра Потемкина, каковой был раньше руководителем преследуемой им ныне ЦСХ лаборатории, но будучи смещен, возненавидел ее.

Можно не только спросить доктора Потемкина, но и попросить, просто потребовать даже, чтобы были прекра-щены средневековые безобразия во вверенном ему домоуправлении. А, может быть, и Наркомздрав от-

кликнется на эти готические свинства?

КЛЯТВА БРИГАДИРА ТУРЯНСКОГО

Что мы знали до последнего времени о городе Волчанске? Мы знали. что это — районный центр УССР. Что стоит он на реке Вольчей — притоке Донца. Что в нем несколько десятков тысяч жителей, мельница и салотопенный завод.

Теперь — не то. Теперь город Волчанск будет известен еще и тем, что в нем родилось новое понимание того, что есть такое-большенистская. жизнь и как должно относиться к самокритике.

Чтобы не быть голословными, публикуем документ, выданный членом парторганизации станции Волчанск бригадиром Турянским члену партии путевому мастеру Маркову при любезном напоре и содействии старого правдолюбца, начальника местной дистанции пути.

Я, бригадир, Турянский даю эту подписку путевому мастеру Маркову в том, что критикой заниматься никогда не буду, а также никогда не буду больше писать в газеты и буду жить по-большевистски.

Надо полагать, что к этому интересному документу эскоре присоединится расписка начальника дистанции и путевого мастера в том, что им доподлинно известно об исключении их из партии и наложении на них самых строгих дисциплинарных взысканий за дикий зажим самократики и помпадурство.

Редколлегия: Л. ГИНЗБУРГ, В. ЕРМИЛОВ, Б. ЛЕВИН, М. МАНУИЛЬСКИЙ, Л. РОВИНСКИЙ, Редактор МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, ул. Горького, 48. Тел. 1-80-55; 5-53-48. Прием ежеди. с 1 до 5 час. • Подписная цена на журн.—1 р. 20 к.в м. • Подписка принимается только почтой • Изд-во ЦК ВКП(б) , ПРАВДА, Подпись к печати-11/VII-34 г. Статформат А9-220×333 Печатных аистов 2. Сдача текста и рисунков 2/VII-34 г. Количество внаков в 1 печ. листе 120.000 Москва. Изд. № 688.

- Ты чего это здесь нищенствуешь?
 Я не нищий. Я от ГОМЭЦ.
 А почему шляпу в руках держишь?
 Потому что ГОМЭЦ не платит.